

РИЧАРД ХАЛЛ

Ричард Халл (настоящее имя – Ричард Генри Сэмпсон, 1896–1973) – один из классиков «золотого века английского детектива», член легендарного Детективного клуба. Хотя иронические детективы автора, пользовавшиеся успехом при его жизни, впоследствии были незаслуженно забыты, в наши дни они переживают второе рождение.

РИЧАРД
ХАЛЛ

УБИЙСТВО
МОЕЙ ТЕТУШКИ
.....
УБИТЬ НЕЛЕГКО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х17

Серия «Золотой век английского детектива»

Richard Hull
THE MURDER OF MY AUNT
MURDER ISN'T EASY

Перевод с английского
А.Н. Анастасьева («Убийство моей тетушки»),
Л.Г. Мордуховича («Убить нелегко»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств
United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Халл, Ричард.

Х17 Убийство моей тетушки. Убить нелегко : [сборник] / Ричард Халл ; [пер. с англ. А.Н. Анастасьева, Л.Г. Мордуховича]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-093540-6

Эдвард Пауэлл, остро нуждающийся в деньгах, планирует отправить на тот свет богатую и на редкость противную тетушку с целью получить наследство. Убить старую ведьму, отравляющую каждый день и час его жизни, и разбогатеть — казалось бы, что может быть проще? Но проблема в том, что это только в книгах легко совершить «идеальное убийство», а тщательно продуманные планы Эдварда с самого начала терпят крах...

Преуспевающее рекламное агентство, которым руководят трое мужчин, втайне мечтающие друг от друга избавиться. Но кто же победит? Кто первым найдет идеальный способ убить остальных? У человека искусства Николаса есть талант и воображение. Хваткий специалист по работе с клиентами Пол обладает отличным знанием человеческой психологии. Ну а Барраклаф, хотя и уступает им в сообразительности, имеет в активе солидные финансовые ресурсы. Шансы равны?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-093540-6

© R H P Goodwin
© Richard Hull, 1936
© Перевод. А.Н. Анастасьев, 2015
© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

УБИЙСТВО
МОЕЙ ТЕТУШКИ

Я был бы гораздо счастливее,
если бы ее не стало на свете. И если
бы я нашел способ достичь этого
без риска.

Часть I

В ОДИН ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Глава 1

Моя тетья живет в непосредственной близости от небольшого и абсолютно безобразного городка Ллвувлл. Вот именно. В этом-то весь ужас. Во всех смыслах.

Как, скажите на милость, может хоть одно разумное существо жить в городе, чье название не в состоянии выдать ни одна христианская глотка? А я утверждаю и настаиваю: «Ллвувлл» произнести невозможно. Человек склонен начинать слово с его начала, но в случае с Ллвувллом у вас этот номер не пройдет. Его надо начинать еще до начала, что само по себе смехотворно. Один литератор сказал мне по секрету, что «лл» в первой позиции следует артикулировать примерно как «схл» или «тхл», причем «т» или «с» на практике остается где-то «за бортом» — по-моему, совершенно бесполезная и неосуществимая рекомендация. Другой знакомый советовал воспроизводить в гортани легкий шелчок — так, как будто собираешься издать звукосочетание «кл», но в последний момент тебе сжимают горло и не дают этого сделать. Что я могу на это сказать? Если всякий раз вместо ответа на вопрос, где вы живете, судорожно хватать себя за горло и давиться слюной, это, пожалуй, вызовет толки.

Но предположим, вы приступили-таки к трудному делу произнесения данного слова — главные сложности подстерегают вас в середине. Там вы наткнетесь, естественно, не на «у» и даже не на «вув», а на что-то вро-

де удвоенного «о», однако все же с едва уловимым ароматом «у»! Это последнее руководство взято из учебника, но восклицательным знаком снабжаю его я. Автор руководства, видимо, не усмотрел необходимости в подобном знаке препинания. Как бы там ни было, хорошенько сдавив глотку и от души поплевавшись, вы можете наконец вступить в бой за финальное «лс» или «лт». Всего-то семь букв, а сколько возни!

Что касается меня лично, то в своей речи я по созвучию переименовал город в Глупый. Этим все сказано.

Ллвулл — я со своим Глупым тут наверняка в меньшинстве, так что все же Ллвулл, — если вы еще не догадались, находится в Уэльсе. Большинство людей, как я понимаю, не нуждаются в такой географической справке. И более жуткого места мне сроду не приходилось видеть. Поразительно, сколько народу задыхается от восхищения валлийскими ландшафтами. Я, например, только и слышу, как мне повезло жить в «очаровательном уголке». Не представляю, что в нем находят очаровательного. Сплошные дурацкие холмы. Ужасно утомительно на них взбираться — и только для того, чтобы тут же начать спуск. Вечно промозглые влажные леса. Причем всякий раз, когда я отправляюсь размять ноги, меня тут же гонит прочь какой-нибудь сторож с криками, что я, мол, представляю угрозу его дурацким фазанам и идиотским «луговым травкам». Ох-х! Как мне это осточертело! Нельзя ли уже убраться куда-нибудь в старый добрый Суррей?

А вот еще дороги. Отвратительные, головоломно извилистые узкие тропинки, почти повсюду испещренные голыми выступами кремниевой породы, тут и там проваливающиеся отвесными кручами, так что прохожему ничего не видно, кроме сплошных зарослей ежевики, шиповника и того, что имеет острые колючки, — будто ломишься через частокол. Еще надо добавить, что, даже

когда удастся проделать в нем брешь, какой-нибудь исполнительный идиот обязательно сразу затянет ее колючей проволокой. Ну а если кому из путников выпадет чудом избежать отвесных круч и частоколов, что он увидит перед собой? Всегда одну и ту же картину. Покуда хвататет глаз, на целые километры вокруг — холмы и леса, леса и холмы, похожие, как братья-близнецы. За всю историю мира рука человека ни разу не коснулась этой бессмысленной беспорядочной мешанины, нагроможденной природой. А ведь она ждет уборки и огранки.

Так вот, вернемся к дорогам. Во всей округе нет ни единого сколько-нибудь протяженного участка, где можно вести машину с приличной скоростью. Подумать только! Да здесь никто нигде и никогда, я думаю, не ездил быстрее пятидесяти пяти километров в час. Если бы вы знали, какое облегчение я испытываю, оставив всю эту дикость позади, когда выезжаю на Уотлинг-стрит, где можно вволю разогнаться прямо к горизонту. Где нет этих убогих возвышенностей по сторонам и под колесами — ровное гладкое покрытие, а не эти ужасные ллвувлские тропы, которые ремонтируются так: покрываются очень тонким слоем гудрона, засыпаются очень большим количеством острых камней примерно с куриное яйцо величиной и в таком виде достаются несчастным участникам дорожного движения, чтобы те бесконечно долго ползли по дороге.

Я перечитал все, что успел написать, дабы отвести душу и выразить сильные чувства по поводу этого жуткого места, и мой взгляд задержался на «промозглых влажных лесах». Совершенно точное определение, доложу я вам. Никогда, абсолютно никогда не прекращается здесь дождь — кроме тех случаев, когда зимой идет снег. Говорят, что именно поэтому у нас тут растут такие прекрасные деревья — ведь именно из местных дубов бы-

ли построены эскадры Нельсона и Родни*. Что тут сказать? В наше время корабли из древесины не строят, они больше ни к чему, а по мне так все деревья на свете в общих чертах одинаковы. Уж лучше пусть будет поменьше дождей, поменьше деревьев и побольше людей в округе. Как там? «Ах, Одиночество! Напрасно Мудрец воспел тебя не раз»**? Вот именно. Я бы гораздо охотнее согласился «вернуться в мир, где жить опасно», чем оставаться на этом «необитаемом острове».

Деревья и реки, реки и деревья. На каждое человеческое существо тут приходится, наверное, по несколько тысяч деревьев, и я уверен, что в радиусе тридцати километров здесь водится больше форели, чем людей. Еще хуже то, что из всех самых нудных, самых скучных людей на свете особо пламенный привет мне хочется передать любителям форели, то есть, я хочу сказать, любителям ловли форели, а не поедания ее. *Truite meunière**** — замечательное блюдо, лучше всего, на мой вкус, его готовят «У Сайро», а вот *truite meunerie***** — обычай размахивать руками, словно мельница, молотя цепом по воде и глуша форель, — это утомительно до колик. Удачный каламбур, не правда ли? Хотя и несколько натянутый.

И если находятся люди — любопытные, на мой взгляд, люди, занятые, а может, просто несведущие, плохо представляющие себе местность, — которым она,

---

* Барон Джордж Родни (1719—1795) — британский адмирал, победитель в Доминикском сражении, крупнейшем в XVIII веке. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Здесь и в следующей фразе — цитаты из стихотворения английского поэта Уильяма Купера (1731—1800) «Александр Селькирк», перевод Е. Фельдмана. Стихотворение написано от лица прототипа Робинзона Крузо, реального матроса, прожившего несколько лет на необитаемом острове Мас-а-Тьерра в архипелаге Хуан-Фернандес в Тихом океане.

*** Форель, зажаренная в мучной панировке, французское блюдо.

**** Буквально: форельно-мукомольное дело (*фр.*).

эта местность, нравится, то таких, кому нравился бы сам Ллвулл, точно не найти. В его пользу невозможно наскрести никаких аргументов. Собственно, о нем вообще мало что можно сказать. Нагромождение уродливых зданий из красного кирпича. Все они очень похожи между собой, и ни одно из них не находится в удовлетворительном техническом состоянии. В самом центре города — неизбежная в таких случаях река, которая пробивает себе путь в узкой канаве среди холмов. Холмы — тоже точные копии друг друга. С одной стороны, на бугорке, — каменная церковь. Внизу, вокруг него, — небольшая россыпь нонконформистских часовен. Никто так и не смог установить их точного числа. Каждый раз, когда мне кажется, что я видел уже их все, я набредаю еще на одну другую, и каждый раз эта «другая» принадлежит, судя по всему, другой секте. Или правильнее сказать — другой конфессии? Не знаю.

Имеется, конечно, главная улица. На ней — почта, откуда письма иногда доставляются, а иногда — нет. Там же — несколько бакалейных лавок. Они мало чем торгуют, кроме консервов, причем самых обыкновенных, и их цена ровно в полтора раза выше обычной. Есть и пара мясных лавок — здесь продают главным образом новозеландскую баранину, датскую грудинку и аргентинскую телятину, что нелепо в местности, где очень много чего недостает, но баранов и овец полным полно, причем каких-то особенно, своеобразно тупых. Хватает также назойливо любопытных свиней. Хотя чего еще можно ожидать при правительстве, каким мы располагаем в настоящее время? Впрочем, по правде сказать, меня настолько мало занимают подобные вещи, что я слабо представляю себе, каким мы, собственно, располагаем. Как бы там ни было, жители Ллвулла продолжают покупать в качестве праздничного угощения консервированную лососину и консервированные абрикосы, а в остальное вре-

мя — экономить, поедая размороженное мясо, жаренное на маргарине. В то время как у соседа на ферме... ну да оставим разговор о фермерах.

Есть тут и кинотеатр. Лично мне никогда не приходило в голову развлекать себя лицезрением пошлых, плебейских, общедоступных, кое-как состряпанных метров экранной возни, где грубое зубоскальство выдается за изысканное остроумие; с горем пополам склеенные фрагменты чувств играют роль сюжета; без малейшего духа художественности или композиции в технике исполнения; без всяких попыток обратиться к подлинным жизненным проблемам; без единой оригинальной мысли; без намека на авторский замысел. Слыхали вы когда-нибудь о киносценарии, написанном Уайльдом, Пиранделло или Чеховым? Смешно себе представить!

Но даже если бы мне вдруг захотелось посетить подобное мероприятие, я, право, не мог бы позволить себе появиться в заведении под названием «Иллюзион Уинна» — оно ведет свое происхождение от родового имени лорда Пентра, крупнейшего в здешних краях помещика. Билеты так дешевы, что на соседнем с вами месте может оказаться кто угодно. Ну, а кроме того, что классовых различий еще никто не отменял, некоторые сельскохозяйственные рабочие так пахнут...

Однако вернемся в Ллвулл и к Ллвуллу. Вернуться в него иначе, как на автомобиле, кстати, весьма затруднительно, а в дом моей тети — и подавно. Железная дорога, извиваясь, как змея, несет свои тяжелые составы в этот Богом забытый варварский край адски медленно. Я всегда пытаюсь представить себе — и поверьте, это сладостная фантазия, — что наконец-то уже открылось полноценное железнодорожное сообщение с этим недоразумением, отмеченным на карте километрах в пятнадцати от Ллвулла под названием Аберквум, где пару раз в неделю проходят ярмарки. Пока же из Аберквума

приходится добираться так называемым «легкорельсовым транспортом», и ничего более невыносимого, чем по-улиточки ползти эти пятнадцать километров в течение часа, я представить себе не могу. Не знаю, как другие пассажиры, но я во время этого приятного путешествия всегда задерживаю шторку.

Глава 2

Полагаю, к настоящему моменту я сказал достаточно, чтобы убедить любого читателя — позже, если, конечно, эти заметки кто-то когда-то прочтет, я объясню, почему это сомнительно, — так вот, я сказал достаточно, чтобы доказать: жить близ Ллвувлла невыносимо. Жить в доме моей тетушки — еще хуже.

От конечной станции пресловутого идиотского «легкорельсового транспорта» до усадьбы Бринмаур — добрых три километра с лишним, а моя тетя — из тех людей, которые сделают все, чтобы заставить вас пройти эти километры пешком. Она особенно охотно устраивает дело так, что мне волей-неволей приходится топтать на своих двоих — именно потому, что знает, как я не люблю этот способ передвижения вообще, а особенно ненавижу дорогу до Бринмаура. Это слово, насколько я понимаю, в переводе с валлийского означает «Большой холм» — нелепое название для частного дома, но, во всяком случае, оправданное. Сразу за Ллвувллом вам приходится лезть на холм и продолжать в этом духе два километра. Но главное, что это за холм! Тетя, с превеликим тщанием изучив карту военно-геодезического управления, уточняет, что длина подъема составляет ровно сто восемьдесят три метра — то есть, как бы там ни было, весьма немало. Охотно верю ей на слово, хотя цифры мало о чем мне говорят. Иное дело, что это очень в духе мо-